

А. Островский

**Поздняя любовь. Сцены из
жизни захолустья**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

A11 **А. Островский**
Поздняя любовь. Сцены из жизни захолустья / А. Островский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-3432-6

"Немолодая девушка" Людмила влюбляется в сына хозяйки дома праздного гуляку Николая. Ради его спасения она готова пожертвовать всем - даже выкрасть важнейший денежный документ, доверенный ее отцу. Влюбленный в другую женщину молодой человек тут же вручает вексель ей, а соперница его сжигает...Почти детективная история заканчивается благополучно: сожженный вексель оказывается копией, Николай - порядочным человеком, а Людмила выходит замуж за любимого...

Интрига пьесы Александра Николаевича Островского "Поздняя любовь. Сцены из жизни захолустья" хорошо закручена: высокая, чистая любовь и самопожертвование, драматическое напряжение и комедийные ситуации, огромные денежные суммы, подлог и кража...

ISBN 978-5-4241-3432-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А. Островский, 2021

Александр Николаевич
Островский.

Сцены из жизни захолустья

(Поздняя любовь)

в четырех действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревянного дома.

Герасим Порфирьевич Маргаритов, адвокат из отставных чиновников, старик благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая девушка. Все движения ее скромные и медленные, одета очень чисто, но без претензий.

Доронин, младший сын Шабловой, в писарях у Маргаритова.

Онурфиий Потапыч Доронин, купец средних лет.

Бедная, потемневшая от времени комната в доме Шабловой. На правой стороне (от зрителей) две узкие однопольные двери: ближайшая в комнату Людмилы, а следующая в комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи с топкой. В задней стене, к правому углу, дверь в комнату Маргаритова; в левом растворенная дверь в темную переднюю, в которой видно начало лестницы, ведущей в мезонин, где помещаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комод с стеклянным шкафчиком для посуды. На левой стороне два небольших окна, в простенке между ними старинное зеркало, по сторонам которого две тусклые картинки в бумажных рамках; под зеркалом большой стол простого дерева. Мебель сборная: стулья разного вида и величины; с правой стороны, ближе к авансцене, старое полуободранное вольтеровское кресло. Осенние сумерки, в комнате темно.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Людмила выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну.

Потом Шаблова выходит из своей комнаты.

Шаблова (не видя Людмилы). Словно кто калиткой стукнул. Нет, почудилось. Уж я очень уши-то насторожила. Экая погодка! В легоньком пальте теперь... ой-ой! Где-то мой сынок любезный погуливает? Ох, детки, детки - горе матушкино! Вот Васька, уж на что гулящий кот, а и тот домой пришел.

Людмила. Пришел?.. Разве пришел?

Шаблова. Ах, Людмила Герасимовна! Я вас и не вижу, стою тут да фантазирую сама промеж себя...

Людмила. Вы говорите, пришел?

Шаблова. Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила. Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: "пришел".

Шаблова. Это я тут свои мысли выражала; в голове-то накипит, знаете... Погода, мол, такая, что даже мой Васька домой пришел. Сел на лежанку и так-то мурлычет, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, мол, я дома, не беспокойтесь. Ну, разумеется, погрелся, поел, да опять ушел. Мужское дело, дома не удержишь. Да вот зверь, а и тот понимает, что надо домой побывать - понаведаться, как, мол, там; а сынок мой Николенка другие сутки пропадает.

Людмила. Как знать, какие дела у него?

Шаблова. Кому ж и знать, как не мне! Никаких у него делов нет, баклушки бьет.

Людмила. Он адвокатством занимается.

Шаблова. Да какое адвокатство! Было время, да прошло.

Людмила. Он хлопочет по делам какой-то дамы.

Шаблова. Да что ж, матушка, дама! Дама даме рознь. Ты погоди, я тебе все скажу. Учился он у меня хорошо, в новерситете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он адвокатом, - пошли дела, и пошли, и пошли, ограбай деньги лопатой. От того от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, с волками жить, по-волчьи выть, и начал он эту самую купеческую жизнь, что день в трактире, а ночь в клубе либо где. Само собою: удовольствие; человек же он горячий. Ну, им что? У них карманы толстые. А он барствовал да барствовал, а дела-то между рук шли, да и лень-то; а тут адвокатов развелось несть числа. Уж сколько он там ни путался, а деньжонки все прожил; знакомство растерял и опять в прежнее бедное положение пришел: к матери, значит, от стерляжей ухи-то на пустые щи. Привычку же он к трактирам возымел - в хорошие-то не с чем, так по плохим стал шляться. Видя я его в таком упадке, начала ему занятие находить. Хочу его свести к своей знакомой даме, а он дичится.

Людмила. Робок, должно быть, характером.

Шаблова. Полно, матушка, что за характер!

Людмила. Да ведь бываю люди робкого характера.

Шаблова. Да полно, какой характер! Разве у бедного человека бывает характер? Какой ты еще характер нашла?

Людмила. А что же?

Шаблова. У бедного человека да еще характер! Чудно, право! Платя нет

хорошего, вот и все. Коли у человека одёжи нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнано, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнан. Вот у ней душа и растет. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде пазухи. Как на лешего, на тебя смотрят. Потому не мадамы нам шьют, а мы сами самоучкой; не по журналам, а как пришлось, на чертов клин. Сыну тоже не француз шил, а Вершковатов из-за Драгомиловской заставы. Так он над фраком-то год думает, ходит, ходит кругом сукна-то, режет, режет его; то с той, то с другой стороны покроит - ну, и выкроит куль, а не фрак. А ведь прежде тоже, как деньги-то были, Николай франтил; ну, и дико ему в таком-то безобразии. Уломала я его наконец, да и сама не рада; человек он гордый, не захотел быть хуже других, потому у нее с утра до ночи франты, и заказал хорошее платье дорогому немцу в долг.

Людмила. Молода она?

Шаблова. В поре женщина. То-то и беда. Кабы старуха, так бы деньги платила.

Людмила. А она что же?

Шаблова. Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надеется. Всегда кругом нее молодежь - привыкла, чтоб все ей угождали. Другой даже за счастье сочтет услужить.

Людмила. Так он даром для нее хлопочет?

Шаблова. Нельзя сказать, чтоб вовсе даром. Да он-то бы пожалуй, а я уж с нее ста полтора выханжила. Так все деньги-то, что я взяла с нее за него, все портному и отдала, вот тебе и барыш! Кроме того, посудите сами, всякий раз, как к ней ехать, извозчика берет с биржи, держит там полдня. Чего-нибудь да стоит! А из чего бьется-то? Диви бы... Все ветер в голове-то.

Людмила. Может быть, она ему нравится?

Шаблова. Да ведь это срам бедному-то человеку за богатой бабой ухаживать да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: там такие полковники да гвардейцы бывают, что уж именно и слов не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ах, боже мой! Чай, смеются над нашим, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатит к крыльцу на паре с пристяжкой этакий полковник, брякнет в передней шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнет головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое, сосуд скудельный, вскинет на него глазами-то, ну точно вареная и сделается. Где же тут?

Людмила. Так она вот какая!

Шаблова. Она только с виду великая дама-то, а как поглядеть поближе, так довольно малодушна. Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она-то и плачет, и смеется, как дитя малое.

Людмила. Как странно! Неужели такая женщина может нравиться?

Шаблова. Да ведь Николай горд; засело в голову, что завоюю, мол, - ну и мучится. А может, ведь он и из жалости; потому нельзя и не пожалеть ее, бедную. Муж у нее такой же путаник был; мотали да долги делали, друг другу не сказы-

вали. А вот муж-то умер, и пришлось расплачиваться. Да кабы с умом, так еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорят, стала векселя зря давать, подписывает сама не знает что. А какое состояние-то было, кабы в руки. Да что вы в потемках-то?

Людмила. Ничего, так лучше.

Шаблова. Ну, что ж, посумерничаем, подождем Николая. А вот кто-то и пришел; пойти свечку принести. (Уходит.)

Людмила (у двери в переднюю). Это вы?

Входит Дормедонт.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Людмила, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Я-с.

Людмила. А я думала... Да, впрочем, я очень рада, а то скучно одной.

Входит Шаблова со свечой.

Шаблова. Где же ты был? Ведь я так полагала, что ты дома. Ишь как озяб, захвораешь, смотри.

Дормедонт (греясь у печки). Я брата искал.

Шаблова. Нашел?

Дормедонт. Нашел.

Шаблова. Где ж он?

Дормедонт. Все там же.

Шаблова. Другой-то день в трактире! Скажите, пожалуйста, на что это похоже!

Дормедонт. На биллиарде играет.

Шаблова. Что ж ты его домой не вел?

Дормедонт. Звал, да нейдет. Поди, говорит, скажи маменьке, что я совершеннополетний, чтоб не беспокоилась. Домой, говорит, когда мне вздумается, я дорогу и без тебя найду; провожатых мне не нужно, я не пьяный. Уж я и плакал перед ним. "Брат, говорю, вспомни дом! Какой же ты добычник! Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошение к мировому писать, а тебя дома нет. Этак ты всех отвадишь". - "Я, говорит, по прошам не люблю собирать". А вот у меня последний рубль выпросил. Что ж, я отдал - брат ведь.

Шаблова. Озяб ты?

Дормедонт. Не очень. Я все для дому, а он нет. Я если когда и дров наколоть, так что за важность! Сейчас надел халат, пошел нарубил, да еще моцион. Ведь верно, Людмила Герасимовна?

Людмила. Вы любите брата?

Дормедонт. Как же-с...

Людмила. Ну, так любите больше! (Подает Дормедонту руку.) Вы добрый, хороший человек. Я пойду работу возьму. (Уходит.)

Шаблова (вслед Людмиле). Приходите, поскучаем вместе. (Дормедонту.) Ишь ты, как перезяб, все не согреешься.

Дормедонт. Нет, маменька, ничего; вот только в среднем пальце владения не было, а теперь отошло. Сейчас я за писанье. (Садится к столу и разбирает бумаги.)

Шаблова. А я карточки разложу покуда. (Вынимает из кармана карты.)

Дормедонт. Вы, маменька, ничего не замечаете во мне?

Шаблова. Нет. А что?

Дормедонт. Да ведь я, маменька, влюблён.

Шаблова. Ну, что ж, на здоровье.

Дормедонт. Да ведь, маменька, серьезно.

Шаблова. Верю, что не в шутку.

Дормедонт. Какие шутки! Погадайте-ка!

Шаблова. Давай гадать! Давай, старый да малый, из пустого в порожнее пересыпать.

Дормедонт. Не смейтесь, маменька: она меня любит.

Шаблова. Эх, Дормедонта! не из таких ты мужчин, каких женщины любят. Одна только женщина тебя любить может.

Дормедонт. Какая же?

Шаблова. Мать. Для матери, чем плоше дитя, тем оно милее.

Дормедонт. Что ж, маменька, я чем плох? Я для дому...

Шаблова. Да ведь я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонт. Ведь уж как не знать, ведь уж одна. А вот я сейчас пришел, бросилась к двери, говорит: "Это вы?"

Шаблова. Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Дормедонт. Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова. Ну, смотри! А похоже дело-то!

Дормедонт. Меня, маменька, меня! Вот теперь только б смелости, да время узнать, чтоб в самый раз всю душу свою открыть. Действовать?

Шаблова. Действуй!

Дормедонт. А как, маменька, карты? Что они мне говорят?

Шаблова. Путаница какая-то, не разберу. Вон, кажется, купец домой собирается; пойти велеть ему посветить. (Уходит.)

Выходят Дороднов и Маргаритов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дормедонт, Дороднов и Маргаритов.

Маргаритов. А ведь мы с тобой старые приятели.

Дороднов. Еще бы! Сколько лет. Герасим Порфириевич, знаешь что? Выпьем теперь. Сейчас я кучера к Бауеру...

Маргаритов. Нет, нет, и не проси!

Дороднов. Как ты это, братец, странно! Мне теперь вдруг фантазия; должен ты уважить?

Маргаритов. Тебе эта фантазия-то часто приходит. Ты об деле-то... Завтра нужно нам к маклеру...

Дороднов. Да что об деле! Я на тебя, как на каменную стену. Видишь, я тебя не забыл; вот где отыскал.

Маргаритов (жмет ему руку). Благодарю, благодарю! Да, вот куда занесла меня судьба. Ты добрый человек, ты меня нашел; а другие бросили, бросили на жертву нищете. Дел серьезных почти нет, перебиваюсь кой-чем; а я люблю большие апелляционные дела, чтоб было над чем подумать, поработать. А вот на старости лет и дел нет, обегать стали; скучно без работы-то.

Дороднов. Скучно-то бы ничего, а ведь, чай, поди и голодно.

Маргаритов. Да, да, и голодно.

Дороднов. Бодрись, Герасим Порфириевич! Авось с моей легкой руки... Уж ты, по знакомству, постараися!

Маргаритов. Что за просьбы! Я свое дело знаю.

Дороднов. Заходи завтра вечерком. Не бойся, неволить не буду, легоньким попотчую.

Маргаритов. Хорошо, хорошо, зайду.

Дороднов. Ну, так, значит, до приятного.

Маргаритов. Ах, постой, постой! забыл. Подожди немножко!

Дороднов. Чего еще?

Маргаритов. Забыл тебе расписку дать, какие документы от тебя принял.

Дороднов. Вот еще! Не надо.

Маргаритов. Нельзя, порядок.

Дороднов. Да не надо, чудак. Верю.

Маргаритов. Не выпущу без того.

Дороднов. И зачем только эти прокламации?

Маргаритов. В животе и смерти бог волен. Конечно, у меня не пропадут, я уж теперь осторожен стал...

Дороднов. А разве было что?

Маргаритов. Было. Вот какой был случай со мной. Когда еще имя мое гремело по Москве, дел, документов чужих у меня было, хоть пруд пруди. Все это в порядке, по шкатулкам, по коробкам, под номерами; только, по глупости по своей, доверие я прежде к людям имел; бывало, пошлешь писарыку: достань, мол, в такой-то коробке дело; ну, он и несет. И выкрад у меня писарек один документ, да и продал его должнику.

Дороднов. Велик документ-то?

Маргаритов. В двадцать тысяч.